

RAIDO

Равновесие Дело о демоне

18+

RAIDO RAIDO

Равновесие. Дело О демоне

<https://litres.ru/74229503>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — дикарка из леса. Фамильяры по всем законам магии должны были разорвать её на части, но стали братьями.

Он — циничный сотрудник Бюро, заперший своих глубоко внутри.

Им предстоит вместе расследовать дело о незаконном вызове демона безумия.

В книге вас ждут:

Мрачная атмосфера

Дикая природная магия

Глухой лес и болота в контрасте с современным городом

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	41
Гла	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

RAIDO

Равновесие. Дело О демоне

Глава 1

Вика

Не могу поверить, что они уговорили меня сесть на поезд. Да, мы всё равно собирались уехать, но не сейчас и не в этот муравейник. Мы вполне могли дожидаться рейса до какого-нибудь посёлка, если бы они не загорелись охотиться именно на лихого. И зачем ему было выходить из своего леса?

Вокзал — плохое место. Слишком много прямых линий, мало углов, где можно исчезнуть. Я отмечаю выходы — главный, запасной, служебный. Камеры висят как глаза. Голову не поднимаю, но знаю, где каждая: одна, две, три. В больших городах сложно прятаться, люди здесь умнее. Я хотела в деревню с гектарами леса вокруг, где можно питаться без риска быть обнаруженной. А тут все платят картами и требуют документы.

— Если он выйдет из здания, мы его не найдём, — торопит Белый, стоит только ступить на платформу.

Да, разумеется. Я буду брать лихого прямо посреди вокзала. Почему нет?

— За ним. Оставайтесь невидимыми. Мне нельзя с вами — камеры.

— Ты зануда, — кидает Чёрный.

Они выскальзывают из меня: сначала Белый — будто выдох, потом Чёрный — будто рывок. Толпа их не замечает. Двое скользят сквозь людей, как вода между камнями. Мы остаёмся связаны, поэтому вижу, как несутся по коридорам, нагоняют цель и скручивают... в мужском туалете.

Прекрасно.

Ускоряю шаг. В первом же киоске покупаю минералку. Пластик. Бутылка пахнет химией.

Захожу в уборную. Делаю небольшой глоток — вода щиплет язык, странная, чужая. Остатки выливаю в раковину.

Бросаю взгляд на ничего не понимающего лихого. Он стоит, скрученный невидимыми руками Белого и Чёрного, и только хлопает глазами. Произношу заклинание, одновременно рисую знак пальцем на бутылке. Кажется, он хочет что-то сказать — видно по взгляду перед тем, как его затягивает в пластиковую ловушку. Но не может. Ни двигаться, ни колдовать, ничего.

— Куда дальше? — сразу интересуется Белый.

Ему не терпится. Он не питался дольше брата, поэтому подгоняет.

— Надо найти жильё, — убираю бутылку в рюкзак, — Оба молчите.

Среди ночи можно заселиться только в отель, но нужна

квартира, а лучше дом на отшибе. Лихого в номере не разделять — это долго, иногда громко и пахнет так себе. Открываю карту, перевожу в режим спутника и ищу тёмные пятна между домами, где можно исчезнуть, если что-то пойдёт не так. Первый этаж. Окна во двор. Рядом хотя бы кусты — не лес, но лучше, чем асфальт.

Бутылка продержится часов десять. Время ещё есть.

Алекс

Холодно, сыро. Лабиринт залов и коридоров, высокие потолки, мерзкий запах. Несмолкаемый гул голосов давит на мозг, вызывая почти непреодолимое желание закурить. Центральный вокзал, понедельник, половина четвёртого утра.

Кто-то что-то натворил сегодня ночью, поэтому меня вызвали, как будто в мои обязанности входит ловить случайного нарушителя равновесия. Как будто у меня над головой не висит то самое дело, которое станет решающим в моей карьере, в существовании всего отдела в принципе.

Стажёрка гордо выставляет бейдж и увлекает за собой. Её впервые вызвали так рано, почти среди ночи, так что она очень взволнована. Наверное, это важно. Ну да, не могут же нас дёргать ради каждой мелочи.

Проглатываю низкую шутку, осознав, что меня ведут в мужской туалет, благодарю девушку и отпускаю по своим делам.

— Ты быстро, — задумчиво произносит Крис, отвлекаясь от схемы на бумаге.

Она уставшая, но причёсана и покрашена — значит, не ложилась со вчерашней смены.

— Не спал, — вру, заглядывая в график.

Энергетики прибыли раньше нас и уже выдали первые данные. Судя по всему, тут была ведьма с фамильярами, но остаточный след почти одинаков, а это странно.

— Что думаешь?

— Кто составлял отчёт? — оглядываюсь в поиске знакомых лиц.

— Я трижды заставила переделать, они не напортачили, — вздыхает и отходит на два шага. — Не знаю, откуда она взялась, но у неё два равных фамильяра. — сперва трясёт стопкой в воздухе, потом вновь принимается изучать график. — И они на самом деле сильны. — Качает головой. — Не поверишь, кого она тут обработала.

— Не вижу данных, — киваю на бумаги в её руках.

— Напротив вокзала — точка с нашей камерой, никто не входил с раннего утра. Но сегодня должен был прибыть твой свидетель.

Не может быть, он слишком силён... И слишком важен, чёрт её дер.

— Подожди, — вырываю верхний лист, судорожно изучаю схему. — Тут нет проявления его силы. Даже его смерть оставила бы след. Тут только ведьма.

— А это самое интересное. Она его не убила. Увела.

— Записи отсюда запросили? — дожидаюсь кивка. — То-

гда в офис. И пусть энергетики пришлют нормальный график, а не карандашом нарисованный. — Выхожу из уборной, шагаю по коридору к выходу, напарница следует за мной. — И мне нужен отчёт по всему вокзалу. Отфильтровать людей, сопоставить её след с камерами. И проверьте, может, она что тут потрогала. Выясните, куда направилась или откуда приехала. Если она ещё в городе, я хочу знать, куда она увела лихого и почему не прибила на месте.

Запускаю руку в карман, едва вижу дверь на улицу, нахожу пачку с зажигалкой и прикуриваю, не дойдя до выхода пары шагов.

— Я на твоей, — сообщает Крис.

Не протестую, хотя и надеялся проехаться в одиночестве. Знаю, что она не будет болтать — скорее начнёт отдавать указания нашим в чат. Но даже молчаливый пассажир всё равно отвлекает, когда на нервах.

До сегодняшнего дня я считался тем, кто лучше всех преуспел в управлении фамильярами. Мои не одинаковы по силе, но хотя бы не грызутся между собой. Я считал это успехом.

У этой — равные. И они будто действовали заодно, не говоря уже об их мощи.

Как ведьма такого уровня оставалась незамеченной? Была осторожна? Но никто не бывает — по крайней мере, не сразу. Все попадают в начале, когда ещё не разобрались. Возможно, её тренировали? Но если она из действующего кове-

на, почему ей не объяснили, что убивать без приказа или лицензии на этой территории нельзя?

А она его и не убила. Увела.

Зачем? Удерживать лихого тяжело, да и не из тех он, кто будет полезен в плену.

— Она его поглотит, — говорю. — Если уже не поглотила.

Крис отвлекается от телефона и тяжело вздыхает.

— Ты ведь понимаешь, что она вряд ли умеет сохранять воспоминания? Это очень редкая способность.

— Знаю. Ни один хранитель знаний не стал бы по своей воле жрать лихого.

Они живут в лесу, годами спят в болотах, а когда выбираются, едят всё, что найдут. Мне ещё не встречался кто-то, кому приятно было бы обзавестись воспоминаниями о поедании падали или забредших в лес грибников. Пару лет назад одному предлагали три моих годовых зарплаты — он всё равно отказался.

— Если это так, Соне придётся её допросить, — пожимает плечами Крис и снова устремляет внимание в экран.

Офис почти пустой. Сперва радуюсь, что получится поработать в тишине, но длится это недолго. Директор уже сидит на моём столе и увлечённо рассматривает график на доске, которую прикатила из переговорной. Придётся распутывать этот случай под её надзором.

— А ну слезай, — толкаю в бок и сажусь на своё место.

Все бумаги пораскидывала. Ну что за бардак.

— Как думаешь, зачем она его увела? — спрыгивает со стола, не отрывая горящих глаз от доски. — Это может быть связано с твоим делом о демоне?

— Нет.

Скрещивает руки на груди и сжимает губы. По взгляду понимаю — убивать ведьму мне запретят.

— Почему? Она явно проходила тренировку, возможно, её даже инициировали специально. Ковен мог узнать о твоём свидетеле и послать её разобраться.

— Тогда она не стала бы забирать его на вокзале. Не попалась бы нам.

Заканчиваю наводить порядок и обращаю на доску своё внимание. Две линии показывают путь фамильяров от платформы прямо в уборную. Она прибыла на этом же поезде, но не стала разбираться с ним внутри — хотя вполне могла бы, даже вставать бы не пришлось. Она знала, что ей нужно будет время и место, чтобы поглотить его, и дождалась, когда будет в городе. Ночью можно заселиться только в отель, поэтому ей придётся ждать утра, чтобы снять дом или квартиру.

— Он ещё у неё. У нас времени часов до восьми или девяти, думаю. Камеры кто-то смотрит?

— Новенькая.

— А что по отпечаткам?

— Ты сам там был меньше часа назад. Дай им время.

Её больше волнует новая игрушка, чем лихой. Ну разуме-

ется.

— Ты тоже такого не видела, да?

Качает головой, отрывается от доски и садится на стол Крис, он через проход от моего.

— Уверена, что её кто-то учил, — закидывает одну ногу на другую. — Самостоятельно добиться такого контроля и равновесия просто невозможно.

— Ей должны были сказать, что убивать иных нельзя, — пожимаю плечами.

Да, теперь понимаю, почему дёрнули именно меня, с фамильярами больше никто не работает. Но проблем и так было полно, эта девчонка — как будто наказание за что-то.

— Без лихого ты ведьму не возьмёшь? — вдруг меняет тему, чем вгоняет меня в ещё большее отчаяние.

— Нет. Раз уж я намерен отправить в Колодец племянницу главы Самайна, мне надо доказать, что это она вызывала демона.

— Прошёл месяц, как тебя назначили. Неужели нет других улик?

Ругаюсь про себя и тянусь к папке на краю стола.

— Это был особенный ритуал, — говорю, пролистывая отчёт, — Смотри, ей пришлось ехать аж к горам и собирать особый аконит, — хмурюсь, — Джунгарский, — читаю по слогам, — Такой нигде в городе не выращивают, — привожу сбившиеся листы в порядок и кладу папку на место, — Мы проверили счета всей семьи — ничего. Связались с извест-

ными торговцами травами, никто даже не продаёт его.

— Если у тебя ничего на неё нет, почему она? — Василиса хватает отчёт, раскидывая остальные бумаги по столу.

Как будто специально.

— Ведьмак из Литы, который нам иногда помогает, выпустил слух среди иных, лихой видел в своём лесу девушку, похожую по описанию, проверка его памяти должна была дать нам зацепку, — кривлюсь, — Да и кто, кроме Самайнов, будет связываться с демоном безумия?

— Допустим, в его воспоминаниях будет Мэйв, этого достаточно?

— Для ордера на проверку её памяти — да.

Почти силой отбираю у неё папку с делом и кладу на край стола. Держу руку сверху, чтобы не разбросала всё снова.

— Мы в любом случае извлечём воспоминания лихого из головы ведьмы, — хлопает меня по плечу, как обычно, когда пытается поддержать. Она никогда этого не умела.

— Они не будут храниться там долго. Мы либо возьмём её до конца суток, либо придётся вызывать того демона самим и спрашивать.

Морщит нос, будто червяка в яблоке нашла. Готовлюсь к возобновлению старого спора, но стажёрка вскакивает из-за стола.

— Василиса, я её нашла! — такая счастливая, даже завидно.

Директор кидает на меня предупреждающий взгляд и на-

правляется к столу напротив.

— Скинь видео мне, — говорю.

Да, можно было тоже подойти, но так будет проще потом всех послать: мол, работаю.

Качество у этих камер, конечно, так себе.

— В чёрном, видите? — пищит девушка. — С синим рюкзаком.

Отслеживаю путь неизвестной до уборной. Она не отвлекается ни на секунду, проходит по всем лабиринтам точно до цели, остановившись только один раз, чтобы купить воды.

— Дотронулась до косяка двери в киоске, — говорю.

Отпечатки снять сами догадаются.

Вряд ли ей приспичило попить в такой момент. Она лихого что, в бутылку заперла? Теперь и мне интересно.

Ещё раз пересматриваю, приближаю, но изображение настолько размыто, что ничего подробно не разглядеть. Ведьма почти минуту стоит на платформе, смотрит по сторонам, потом будто включается и танком прёт вперёд. Отправила их раньше, а сама догнала, чтобы не носиться по вокзалу и не привлекать внимание? Необычное доверие к фамильярам, учитывая их своевольность.

Своих бы я так далеко не отпустил — и не важно, что могу видеть их глазами. Вообще не важно. Они внутри, там им и место.

Ещё более удивительно, что без её надзора они всё равно действовали заодно. Не отвлекались и не подрались. Следы

чёткие, без разрывов и надломов. Пара прямых линий прямо до уборной.

Как она заставила две противоположности действовать так слаженно?

— Алекс, — шепчет Крис, подходя к своему месту. — Они волос нашли. По цвету похоже на... — оглядывается на Василису, — Командирша опять на стол залезла?

— Она так территорию метит. Забей.

— Вот у Полины денёк будет. Они уже везут всё сюда.

— У Полины?

Крис смотрит с тихим осуждением.

— Стажёрка. Под твоим надзором, между прочим.

— А. — вот как её зовут. — Давно?

— Третью неделю.

Не запомнил. Ну и ладно. Запомню, когда станет полезной.

— Вась, — говорю, — Они нам ведьмин волос везут. Готовьтесь к эксперименту.

Только что счастливая девушка заметно бледнеет, забывает о видео и выпучивает испуганные глаза на директора.

— Не переживай, — ничуть не успокаивает её Василиса. — Будем учиться в процессе.

Усмехаюсь, возвращаюсь к картинке на экране и просматриваю запись ещё несколько раз. Затем изучаю схему. Так свободно их отпускать?

Обращаю внимание внутрь себя, нахожу Светлую и Тём-

ную. Сидят тихо, как обычно, даже дышать боятся. Иногда думаю, что затаились не от страха, а просто ждут момента. Не дождутся.

Надо снова пройтись по материалам.

Не знаю, сколько раз пересматриваю видео и сопоставляю путь фамильяров с картинкой, перед глазами начинает плыть, а данные смешиваются в кучу. Радуюсь вошедшему в офис энергетика со свёртком в руке. Он передаёт его Василисе и спешно уходит. Понимаю, что придётся встать.

У стола новенькой уже почти толпа. Директор стоит рядом, сложив руки на груди. Крис следует за мной, оставив телефон на рабочем месте, вот как всё серьёзно.

Волос в пробирке, запечатанной в три слоя пластика. Полина принимает его дрожащими руками, почти слышу, как стучат её зубы.

— Давай, — подбадривает Василиса. — Не надо специальной подготовки?

— Не надо, — шепчет стажёрка. — Я просто... возьму.

Она закрывает глаза, берет образец двумя руками. Волос внутри — длинный, тёмный. Я его даже через пластик вижу.

Полина дёргается. Веки подрагивают, она сжимает пальцы на пробирке.

— Лес, — шепчет как-то неестественно, будто в трансе. — Сосны. Высокие. Она... она маленькая, сидит в каком-то укрытии. В руках палка с острым концом. Ждёт. Не плачет. Пауза. Мы молчим.

— Там дым, — вновь дёргается, как от удара. — Машина перевёрнута. Она знает, что внутри никто не дышит. Запах бензина и горелого мяса. Не идёт туда. Рядом с ней... двое. Я их не вижу, но они рядом. Они смотрят на неё. Ждут её решения... Она... долго там была.

— Сколько? — спрашиваю.

Полина качает головой, зажмуривается снова.

— Годами, — выдыхает. — Она там выросла. С фамильями... Не оружие или инструменты. Семья.

Крис тихо присвистывает.

— Без людей? Совсем? — уточняет Василиса.

— Совсем.

Молчание.

Смотрю на волос сквозь пластик, прокручиваю запись с камер в голове. Шесть лет. В лесу. С двумя фамильями, которые по всем законам магии должны были разорвать её на части, а стали братьями.

— Она их не подавляла, — продолжает Полина голосом, который уже больше походит на человеческий. — Они сами нашли равновесие. Делили её... по-своему. Всё время вместе. Она убивала нечисть, чтобы выжить. И поглощала её. И они становились сильнее.

— Прямо в лесу? — тихо спрашивает Крис.

— Прямо в лесу.

Василиса трёт переносицу. Я вижу, как она переваривает информацию. Сам перевариваю.

Вошла в мужской туалет на вокзале, поймала лихого пластиковой бутылкой. В шесть лет жрала вурдалаков в чаще. Нормальное сочетание.

— Что потом? — спрашиваю.

Полина кладёт пробирку на стол. Бледная, но держится.

— Не вижу подробно... Она много охотилась, почти всегда, когда они требовали. Редко сама выбирала, чаще они её вели.

Василиса молчит. Я знаю, о чём она думает. Девочка, которая выжила там, где взрослые ведьмаки ломаются. Которая не выбрала добро или зло, потому что для неё этих понятий не существовало. Было только «мы» и «опасность».

Крис дёргает меня за рукав.

— Отпечатки пришли, — говорит, протягивая планшет. Откуда она его взяла? — Сводка.

Беру. Читаю.

Морозова Виктория Сергеевна. Двадцать пять лет. Место рождения — указано приблизительно, область, глухой район. В шесть лет — ДТП. Родители погибли на месте. Тело девочки в машине не обнаружено. Была объявлена в розыск. Поиски прекращены через два года — официально «безрезультатно», была признана пропавшей без вести, но нашлась спустя одиннадцать лет. Как и кем была найдена — в отчётах указано: «обнаружена лесниками, передана органам опеки». Документов до этого возраста нет. Воспитывалась в детском доме с пятнадцати до восемнадцати. Ни свидетельства

о рождении (восстановлено позже), ни медицинских карт, ни записей в школах. После восемнадцати — ничего. Ни прописки, ни работы, ни даже штрафов. Как тень. Ни одной банковской карты. Ни одного телефона на себя. Ни одной соцсети.

Ни одной.

— Как она покупала билет на поезд? — спрашиваю вслух.

— Наличные, — пожимает плечами Крис. — Кассы работают. Документы не всегда проверяют в ночь.

— Должны.

— Должны, но не всегда. Или у неё есть поддельные документы.

Отдаю планшет Василисе. Она листает, хмурится, листает снова.

— Ни судимостей, ни приводов, — говорит медленно, будто не веря своим глазам. — Ни одного контакта с нами. За двадцать пять лет.

— Была осторожна, — говорю. — Или просто ни разу не попалась.

— Такое возможно? — Крис смотрит с сомнением. — Два равных фамильяра, охота на нечисть по ночам, и ни разу не засветиться?

— Она выживала в лесу с раннего детства, — отвечаю. — Спрятаться в городе — не проблема.

Возможно, она и не часто выходит в город, для такой естественно обходиться тем, что есть в диких местах. Она не при-

вязана к интернету, тёплой воде или комфорту, так как привыкла к спартанским условиям леса. Общество ей тоже не нужно, у неё же есть «семья».

Подавляю порыв посмотреть внутрь себя на фамильяров. Даже не мечтайте.

Василиса откладывает планшет, впивается взглядом в доску.

— Мы не ищем её, чтобы наказать, — говорит. — Пока. Мы ищем её, потому что она увела свидетеля по твоему делу. Запомните разницу.

— Она поглотит лихого, — напоминаю. — Воспоминания исчезнут. Соня сможет их вытащить, если мы найдём её в ближайшие сутки. Если нет — прощай, демон, прощай, Самайн.

— Я в курсе, — отрезает Василиса. — Поэтому ты сейчас садишься в машину и начинаешь объезжать отели. Крис с тобой. Полина работает с волосом дальше — может, вытащит ещё что-то.

— Она не пойдет в отель, — качаю головой.

— Начни с очевидного, пусть Крис походу дела просмотрит объявления, работайте.

Натягиваю куртку. Когда я уже у двери, Полина тихо говорит в спину:

— Она не злая.

Оборачиваюсь.

— Что?

— Она не злая, — повторяет стажёрка. — Она просто... другая. Для неё нет добра и зла. Есть свои и чужие. Мы сейчас — чужие.

Смотрю на неё пару секунд.

— Это не мешает мне её задержать, — говорю.

Глава 2

Вика

Дом пахнет старостью. Травами, сушёной рыбой, кошками, которых давно нет. Бабка взяла деньги, не глядя, сунула в карман фартука и ушла в другую комнату смотреть телевизор. Ей всё равно, кто я, откуда, зачем мне ночью дом на окраине. Ей не всё равно на печку — велела не трогать, потому что «она сама дышит».

Лучшего места не найти.

— Вылезайте, — говорю, скидывая рюкзак на продавленный диван.

Они выходят из меня одновременно. В прихожей им тесно. Белый первым делом оглядывается, трогает косяк, будто проверяет, не обманула ли бабка. Чёрный сразу идёт к окну, отдёргивает занавеску, смотрит на улицу.

Я вижу их с детства, но иногда всё равно засматриваюсь. Одного возраста со мной. Близнецы, но разные, как пламя и пепел.

Белый — выцветший. Волосы почти прозрачные, будто солнце выжгло всё до конца. Кожа светлая, движения плавные, даже немного задумчивые. Сейчас он прикасается к стене ладонью, слушает. Он всегда слушает. Воздух, стены, моё дыхание — для него всё звучит.

Чёрный — рыжий. С яркой пылающей головой, как лист

перед заморозками. Двигается резко, будто внутри него пружина. Занавеска падает обратно, он поворачивается, и я вижу нетерпение в глазах.

— Уже можно? — спрашивает, кивая на рюкзак.

— Нет. Сначала подготовим место.

— Тянешь, — рычит, но не спорит. Обходит комнату, трогает углы. Он всегда проверяет периметр первым. Чувствует выходы, щели, слабые места.

Белый садится на корточки перед пустым ведром, которое я нашла в сенях.

— Здесь есть вода, — говорит тихо. — Под полом что-то течёт. Хорошо для очистки.

— Замётано, — киваю, затем показываю пальцем на центр комнаты, — Приступай.

Брат поднимается с места, садится на корточки там, куда показала, и кладёт ладони на пол. Ощуцаю линию защиты. Когда она становится достаточно сильной, беру рюкзак и достаю бутылку. Пластик холодит пальцы. Внутри — темнота, сжатая, злая. Лихой не виден, но я чувствую его. Он затих. Не борется, но ждёт.

— Сейчас выйдет, — предупреждаю. — Белый, держи круг. Чёрный, если дёрнется — дави.

— Не дёрнется, — скалится. Уже стоит в полный рост, руки опущены, но я знаю — он готов. Пальцы чуть растопырены, как когти.

Белый молча очерчивает круг на полу — кончиком паль-

ца, усиливая его. Тот загорается тусклым светом, я откручиваю крышку.

— Выходи.

Лихой вываливается из горлышка, как густая смола. Расплывается на полу, собирается в форму — корявая, человекообразная, с провалами вместо глаз. Он невысокий, ниже меня на голову, но от него тянет холодом и гнилью. Вурдалаки воняют иначе — мокрой псиной. Лихой пахнет болотом и чем-то старым, что лежало под водой годами.

Моргает — глаз всё ещё нет, но он меня видит. Все они видят.

— Ведьма, — голос скрежещущий, как ветки друг о друга.

— Зачем тебе это?

— Сила.

— Я тебе заплачу.

— Чем?

Пауза. Он переступает с ноги на ногу. У него нет ничего, они никогда ничего не носят, кроме своей шкуры и зубов.

— Расскажу, где лежат мёртвые, — говорит. — Много мёртвых. Сила есть. Лес отдаст.

Чёрный издаёт короткий смешок.

— Врёт, — говорит Белый. Он всегда чувствует.

— Вру, — соглашается лихой. — Но вдруг получилось бы.

Касаюсь сознанием его страха. Не смерти, она никогда их не пугает, он боится, что я буду есть его медленно.

— Сколько тебя жрать? — спрашиваю буднично.

Нечисть кривится, лицо течёт, как воск.

— Часа три, — отвечает. — Если ты умеешь. Если нет — четыре.

— А если неправильно?

— Тогда я выйду из тебя через пару дней. Ты ничего не получишь, только кашу из живота.

— Не выйдешь, — спокойно говорит Белый. Круг становится ярче.

Лихой наконец замечает братьев. Поворачивается к одному, к другому. Дышит часто.

— Два, — шепчет. — У тебя два. Как ты...

— Молчи, — обрываю я. — К делу.

Достаю нож. Обычный, кухонный, купила в переходе за двести рублей. Лезвие тонкое, не очень острое. Заточу потом.

Лихой оглядывает комнату, меня с братьями. И вдруг делает то, чего не ожидаю. Садится на пол. Складывает руки на груди. Не в молитве, но как-то... смирно.

— Делай быстро, — говорит. — Я не буду кричать.

Чёрный удивлённо замирает. Белый трогает моё плечо — едва касается, но я чувствую: он настороже.

— Может, отрава, — шепчет.

— Проверим.

Подхожу ближе. Лихой не шевелится.

Встаю на колени рядом. Кончиком ножа провожу по его плечу. Кожа расходится, как гнилая ткань, но крови нет.

Только тягучий, чёрный сок.

Лихой молчит.

— Что ты задумал? — спрашиваю.

— Ничего, — голос глуше, чем раньше. — Просто... устал.

— Они не устают, — подаёт голос Чёрный с другой стороны комнаты. — Он врёт.

Лихой медленно поднимает голову. Провалы глаз смотрят в потолок.

— Десять лет я сплю в болоте, просыпаюсь, ем и опять сплю, — говорит. — Мне надоело. Я хочу не быть.

Чёрный замирает. Белый опускает руку с моего плеча.

Смотрю на лихого. На его лицо без глаз. На руки, сложенные на груди.

Сколько он живёт? Некоторые теряют волю, но я про таких только слышала от Старухи. Дают больше всего силы и не сопротивляются, настолько стары, что не хотят больше существовать. Даже когда еды много, когда охотников нет. Просто устают от времени. Ему, возможно, больше тысячи?

Плевать. Нельзя его жалеть. Надо покормить фамильяров.

— Быстро не получится, — говорю. — Буду резать по кускам, пока ты жив. Это больно.

— Я стерплю.

— Зачем?

— Я сказал. Хочу не быть.

Повисает тишина. Слышно, как за стеной бабка переключо-

чает телевизор. Машина сигналиит где-то далеко.

Белый садится рядом со мной на корточки.

— Он не врёт, — тихо говорит. — Впервые не врёт.

Чёрный рычит, но я чувствую его замешательство. Он не любит, когда всё не как обычно. Он любит драку, погоню, рык. А тут сидит мужик и просит его убить.

Убираю нож.

— Отдохни, — говорю лихому. — Я пока подготавлиюсь. Потом начнём.

Кивает. Сжимается в комок, закрывает лицо руками, за-
тихает. Круг светит ровно, без помех.

Встаю, отхожу к окну. Чёрный тут же рядом.

— Ты не веришь ему, — шепчет он. — И правильно.

— Не верю. Но если он устал — это не моя проблема.
Пусть терпит. Моя задача — получить силу.

Нельзя жалеть, он — еда.

Тяжело вздыхаю.

Смотрю в окно. Там, вдали, фонари освещают шоссе. Ма-
шин почти нет.

Лихой сидит в круге, свернувшись клубком. Не смотрит на меня или на братьев. Проверяю нож — лезвие туповато, но мне не нужна острота. Нечисть режется иначе, чем мясо. Её плоть сопротивляется, но не кровоточит. Это больше по-
хоже на резьбу по мягкой глине.

Белый подходит ближе, садится на пол напротив пленни-
ка, смотрит на него долго, внимательно. Потом говорит:

— Я могу сделать так, чтобы он не чувствовал.

— Не надо, — отвечает тот, не поднимая головы.

— Делай, — говорю. — Мне не нужна агония.

Белый кивает. Кладёт ладонь на макушку лихого. Тот вздрагивает, потом расслабляется. Веки — там, где должны быть глаза — закрываются. Дыхание становится глубже.

— Он спит, — тихо говорит Белый. — Я дал ему сон без сновидений.

— Хорошо.

Чёрный встаёт у меня за спиной, наблюдает. Начинаю.

Первый разрез — от плеча до локтя. Кожа расходится, обнажая волокна. Ни крови, ни гноя. Только чёрный, густой сок, который пахнет торфом и старыми корнями. Отрезаю кусок. Кладу на пол.

— Ешь, — говорю Чёрному.

Он опускается на колени, берёт мясо в руку. Не жуёт — впитывает. Плоть темнеет, сжимается, превращается в труху. Брат закрывает глаза. Вижу, как вокруг него воздух становится плотнее. Он растёт. Не телом — присутствием.

Второй кусок — для Белого. Он берёт мягче, даже нежно. Впитывает молча. Его светлые волосы начинают слегка светиться.

Так мы и работаем. Я режу. Фамильяры едят. Лихой спит. Ритм. Разрез. Кусок. Отдать. Разрез. Кусок. Отдать.

Через час лихой теряет форму. Просто тушка, бесформенная, уменьшающаяся на глазах. Чёрный сыт, но не останавливается.

ливается. Он никогда не останавливается. Белый ест медленнее, но тоже не просит паузы.

Устаю. Руки в слизи, нож скользит, приходится вытирать пальцы о штаны. Но не торможу. Остановка — риск. Лихой может проснуться, даже с сонным кругом, даже наполовину сожранный. Они просыпаются, если чувствуют боль.

— Почти, — шепчет Белый.

Остаётся только голова. Смотрю на неё несколько секунд, лицо лихого размякло, как восковая маска на солнце. Но всё равно вижу — он не страдает. Белый сдержал слово.

Прислоняю остриё концом к кости, бью кулаком сверху.

Череп трескается, как пересушенная глина. Оттуда вытекает что-то тёмное, жидкое, что быстро впитывается в пол. Последний кусок делю между братьями поровну.

Чёрный берёт свой, поглощает, удовлетворённо выдыхает.

Белый долго держит в руках, прежде чем впитать. Я знаю — он хочет запомнить. Для него каждый раз — прощание.

Вздыхаю и запикиваю эмоции поглубже. Мне много раз приходилось убивать их. Но впервые кто-то сказал «спасибо» ещё до того, как я начала.

— Всё, — говорю.

Круг гаснет. На полу — только тёмное пятно и старая одежда лихого, которая теперь пустая, как сброшенная шкура. Скоро она высохнет и рассыплется в пыль.

Встаю. Ноги затекли, спина ноет. Подхожу к раковине,

смываю слизь с рук. Вода ржавая, холодная. Белый подаёт мне полотенце — нашёл где-то в шкафу. Чёрный уже у окна, смотрит на дорогу.

— Машина, — говорит. — Фары. Едет сюда.

Замираю. Выглядываю через край занавески. Вдалеке, по грунтовке, медленно катится чёрный седан. Фары приглушены, но в темноте их видно за километр.

— Не к нам ли? — шепчет Белый.

— Проверим, — отвечаю, но уже знаю.

Быстро осматриваю комнату. Круг не оставил следов — Белый стёр его ещё до того, как я встала. Лихой не кровоточил. Осталась только бутылка из-под минералки и влажное пятно на полу, где лежала туша. Пятно высохнет через пару часов. Бабка подумает, что пролили чай.

Бутылку забираю — сую в рюкзак. Одежду лихого — тоже. Пусть не остаётся ничего, что пахнет магией.

— Чёрный, заметаешь след. Белый, проверяешь остатки круга.

Братья работают молча. Один проводит рукой над полом — остаточный жар уходит, как сквозняк. Второй касается стен, углов — снимает защиту, которую поставил.

Снаружи — звук мотора. Ближе.

— Уходим, — команду.

Подхожу к окну и открываю створку. Холодный воздух обдаёт лицо. За огородом — лес. Темно, сыро, пахнет прелыми листьями. Там безопасно.

— Если это законники, — рычит Чёрный, уже готовый к побегу, — Они пойдут за нами.

— Знаю, — ставлю ногу на подоконник. — Пусть идут.

Фамильяры исчезают одновременно, как вдох и выдох. Их тепло уходит внутрь и согревает изнанку рёбер. Спрыгиваю на землю.

За спиной машина тормозит у дома.

Не оборачиваюсь, быстро бегу к деревьям. Трава мокрая, кроссовки скользят. Лес встречает тишиной. Я ныряю в него, как в холодный ручей.

Пригибаюсь, уворачиваясь от веток на пути. Дышу глубоко, мышцы гудят после поглощения. Сытые братья внутри молчат — они тоже устали.

Бегу, пока дом не исчезает за деревьями. Потом перехожу на шаг, снимаю куртку, оборачиваю поверх рюкзака, завязываю рукавами. Прислушиваюсь.

Погони нет. Пока.

Что теперь? — спрашивает Белый изнутри.

Он всегда спрашивает тише, чем Чёрный.

Уходим в глушь, там, где нет дорог.

А они?

Если повезёт, искать не будут. В любом случае, пока оставаться нельзя.

Чёрный молчит. Знаю — он не согласен. Он хотел бы развернуться и встретить их лицом к лицу, дать настоящий бой. Но он молчит. Потому что устал, потому что сыт. Потому

что доверяет.

Иду дальше. Лес смыкается за спиной.

Алекс

Четыре отеля. Четыре звонка в двери, четыре раза я показывал жетон и фоторобот, наскоро собранный из записи с вокзала. Никто её не видел. Никто не помнит девушку с синим рюкзаком и двумя мужиками за спиной.

Так и знал, что это тупик, не стала бы она снимать номер.

Крис сидит на пассажирском, листает чат.

— Твоя взяла бутылку. Ничего больше не трогала.

— Умно.

— Ещё камеры на выезде с вокзала засекли её в такси.

Жёлтое, номер размыт. Поехала в сторону окраины.

— Какой район?

— Чапаевка.

Знаю это место. Частный сектор, старые дома, пенсионеры, которые сдают комнаты за наличные. Никаких камер или вопросов. Идеальное место для того, кто не хочет, чтобы его нашли.

— Дай адреса всех, кто сдаёт жильё посуточно в этом районе, — говорю.

Крис уже стучит по экрану.

— Пять. Но один на отшибе, прямо у леса.

— Туда.

Едем. Дорога становится хуже с каждым километром — сначала асфальт, потом щебёнка, потом грунтовка. Фонарей

нет. Только фары выхватывают из темноты голые кусты и редкие дома.

На часах половина седьмого. Скоро рассвет.

Дом у леса — старый, деревянный, с покосившимся забором. Во дворе ни машины, ни света. На крыльце — ведро с окурками.

Глушу мотор. Тишина. Только ветер гуляет по полю.

— Я один, — говорю Крис. — Если что — звони.

— Там может быть не она.

— Может. Но лучше проверить.

Выхожу. Под ногами хрустит гравий. Пахнет дымом, намокшей корой и чем-то ещё. Чем-то сладковато-гнилым.

Останавливаюсь у двери. Прислушиваюсь.

Внутри — телевизор. Кто-то говорит, смеётся закадровый зритель. Старое ток-шоу.

Стучу. Жду. Никто не открывает.

Стучу сильнее. Слышу шаркающие шаги, крик.

Дверь открывает бабка — маленькая, сутулая, в халате и грязном фартуке. Смотрит на меня подслеповато.

— Вам кого?

Показываю жетон.

— Разрешите войти.

— А чего случилось?

— Проверка. Не волнуйтесь.

Она пожимает плечами, отходит в сторону. Ей бы сказать, что нужен ордер или повод, причина зайти в чужой дом, но

они редко это говорят. В такие дни я искренне рад этому.

Внутри пахнет травами, сушёной рыбой и... и тем же сладковатым запахом. Только здесь он сильнее.

Прохожу в комнату. Телевизор работает, на столе — чашка, на диване — плед. Пол кажется чистым. Но я чувствую.

Магия. Уходящая.

— У вас кто-то был сегодня ночью? — спрашиваю, обращившись.

— Да, была девчушка, — бабка мнёт край фартука. — Сняла комнату на ночь.

— Где она?

— А нет её. Ушла, наверное. Я не слышала, уснула.

Другая комната. Подхожу к окну, створка приоткрыта. На подоконнике — след от кроссовка.

— Она вылезла через окно?

— Ох, — бабка крестится. — Не знаю, родной. Я спала.

Опускаюсь на корточки. На полу, у стены — тёмное пятно. Небольшое. Провожу пальцем, нюхаю.

Болото. Гниль. Лихой.

Закрываю глаза. Внутри — тишина. Фамильяры молчат. Я сам молчу.

Встаю.

— Что это? — бабка тычет пальцем в пятно. — Это она накапала?

— Чай пролила, — отвечаю. — Не переживайте.

Выхожу на крыльцо. Крис уже стоит у машины, смотрит

на лес.

— Она там, — говорю.

— Уверен?

— Да, поглотила лихого и ушла в лес.

— Как ты...

— Запах. И след на подоконнике.

Крис смотрит на деревья. Там темно, даже не видно, где кончается огород и начинается чаща.

— Будешь искать?

— Буду.

— Соню вызвать?

— Вызывай. Пусть готовится извлекать воспоминания.

— Мы не уверены, что ведьма — хранитель памяти.

— Ей и не надо быть хранителем. Пока она не переварила лихого до конца, воспоминания ещё там. Надо успеть.

Крис кивает, достаёт телефон. Я смотрю на лес.

Внутри Светлая и Тёмная. Они чувствуют след и хотят выйти на охоту.

Нет, — мысленно приказываю. — *Сидите.*

— Пойду один, — говорю Крис. — Если через три часа не вернусь — поднимай всех.

— Тебя искать? — почти усмехается.

— Я серьёзно.

Она замолкает и кивает.

Перешагиваю через забор и иду к деревьям.

Лес встречает тишиной. Не той, что бывает по утрам в

парке, а настоящей — глухой, настороженной. Здесь даже ветки не трещат под ногами, будто деревья затаились и смотрят.

След простой. Она не замечает за собой — или не успевает. Примятая трава, сломанный папоротник, влажный отпечаток кроссовка на оголённой земле. Я иду быстро, но не бегу. В лесу бег — это шум. А шум — это предупреждение.

Внутри тихо. Они проснулись, но молчат. Чувствуют то же: здесь кто-то есть. Кто-то, кто умеет прятаться лучше, чем я умею искать.

Прохожу метров триста. След сворачивает к ручью. Она прошла по нему? Умно. Но недалеко, вода слишком холодная, чтобы идти долго и доходит ей до щиколоток — вижу следы на илистых берегах, но в самой речке следов нет. Потом ручей раздваивается. Останавливаюсь: если она пошла вправо, то скоро выйдет к полю, если влево — уйдёт глубже в лес. Проверяю левый берег — примятого папоротника нет. Правый — трава стоит ровно. Она вышла из воды раньше. Возвращаюсь к месту разветвления, прохожу вверх по течению. Здесь, у старой коряги, мокрый след кроссовка на камне. Она выпрыгнула на берег.

И вдруг — замечаю.

На том берегу, в кустах, чей-то силуэт. Не различаю лица, только тёмное пятно на фоне серого неба. Она замерла, пригнулась, но не прячется. Смотрит на меня.

Не двигаюсь. Она не двигается.

Секунда. Другая.

И она исчезает. Ныряет в кусты так быстро и бесшумно, что успеваю увидеть только мелькнувший чёрный край одежды.

Перехожу ручей быстрым шагом. Трава мокрая, скользко. На том месте, где она стояла, — примятые стебли.

— Стоять! — кричу. Не потому, что надеюсь, что она послушается. Потому что молчать больше не могу.

Не отвечает. Впереди треск — быстро удаляется.

Бегу.

Ветки больно бьют по лицу, корни норовят подвернуть ногу. Не вижу её, но слышу — справа, метрах в тридцати. Идёт, петляя между деревьями, но не замедляется.

Она не устала. Это бесит.

Перепрыгиваю через упавший ствол, вылетаю на поляну. Пусто. След ведёт к старой заброшенной сторожке. Дверь открыта. Внутри — темно, пахнет плесенью и мышами.

Проверяю углы. Пусто.

Она прошла сквозь? Или затаилась?

Выхожу с другой стороны. След теряется в высокой траве. Я иду по ней, медленно, стараясь не упустить ни одного примятого стебля. И вдруг — слышу.

Дыхание.

Слева, за кустом бузины.

Она там.

Делаю шаг в ту сторону, в тот же миг из кустов вылетает

что-то тяжёлое, сбивает меня с ног, вжимает в землю.

Успеваю подставить руки, но удар приходится в плечо. Перед глазами — рыжая голова, горящие глаза, звериный оскал. Фамильяр. Её Темный?

— Не двигайся, — рычит.

А я и не двигаюсь. Потому что чувствую — его пальцы сжимают горло. Не больно, но предупреждающе крепко.

— Чёрный, отойди.

Голос — спокойный, тихий. Принадлежит женщине, которая выходит из-за кустов. Она не спешит, смотрит на меня сверху вниз. Глаза усталые. Волосы собраны в небрежный хвост, на щеке — грязь.

В руке — обычный кухонный нож. На лезвии — тёмные разводы.

Смотрю на неё. Первая мысль — молодая. Вторая — уставшая. Третья — опасная.

— Ты законник, — говорит. Не спрашивает.

— Убери своего пса, — отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Он не пёс.

— Да ладно?

Ведьма кивает Чёрному. Тот нехотя отпускает и отступает на шаг. Я встаю, отряхиваюсь. Плечо ноет. Хорошо, хоть не вывихнул.

— Ты убила лихого, — говорю.

— Он сам хотел.

— Это не оправдание.

Пожимает плечами. Безразлично. Или слишком устала, чтобы спорить.

— Ты должна поехать со мной, — говорю. — В Бюро. Из тебя вытащат его воспоминания.

Она хмурится.

— Воспоминания? Я ела его, чтобы напитать их, — кивает на Чёрного. — Воспоминания — это мусор.

— Для тебя. Для нас — улика.

Фамильяр издаёт низкий горловой звук.

— Она никуда не поедет.

— Не тебя спрашивают.

Вика смотрит в глаза. Долго оценивает. Вижу, как работает её логика — расстояние, скорость, есть ли у меня оружие, её усталость, её фамильяры.

— Я не поеду, — говорит наконец. — Но и убивать тебя не буду.

— Великодушно.

— Не великодушно. Просто... — замолкает, подбирает слово. — Бесполезно. Ты не один, за тобой другие. Я убью тебя, они придут снова.

Умная.

— Тогда я задержу тебя сам, — делаю шаг вперёд.

Фамильяр тут же оказывается между нами. Смотрю на ведьму сквозь него.

Не двигается. Стоит, опустив нож.

— Не надо, — тихо говорит. — Я не хочу с тобой драться.

— У тебя нет выбора.

— Есть. — делает шаг назад. — Я ухожу, а ты остаёшься.

И она ныряет в кусты быстрее, чем успеваю моргнуть. Чёрный за ней. Бросаюсь следом, но натываюсь на невидимую стену — воздух становится плотным, как вода.

Круг. Остаточный. Она поставила его, пока я валялся на земле. Или её Светлый поставил?

— Чёрт.

Рву преграду магией — секунда, другая. Круг разваливается, вылетаю на ту сторону.

Пусто.

Ни звука. Ни следа. Ни запаха.

Она растворилась в лесу, будто никогда и не было.

Стою посреди поляны, тяжело дышу. Плечо болит. Чувствую, как Светлая и Тёмная шевелятся, требуют выхода.

Нет, — мысленно повторяю. — *Ещё нет.*

Достаю рацию.

— Крис, она ушла в лес. Я её упустил.

— Звать подмогу?

— Я продолжу поиск.

— Алекс, ты там один.

— Знаю.

Смотрю в чашу. Она где-то там. Уставшая, с двумя фамильярами и ножом. Она не хотела драться. Может, зря.

Снова подношу рацию к лицу.

— Крис, всё-таки вызови сюда наших, у меня есть идея.

Глава 3

Вика

Сколько я уже бегу? Час? Два? Лес теряет очертания, превращается в однообразную череду стволов, корней, мокрых листьев под ногами. Рассвет застрял где-то между деревьев — ни света, ни темноты, только серая муть.

Чёрный внутри ворочается, хочет выйти и бежать рядом, но не пускаю. Он расходует силы, когда материален, а они нам ещё понадобятся.

— Законник сократил разрыв, — сообщает Белый. — Метров двести. Может, меньше.

— Знаю.

Чувствую его иначе, спиной. Там, где он идёт, воздух становится плотнее, тяжелее. Чем ближе, тем яснее ощущаю.

— У него внутри двое, — говорит Чёрный. — Слышу. Оба сильные, но он их не выпускает.

— Знаю. Я тоже слышу.

— Станный он.

— Станный, — соглашаюсь.

Чёрный замолкает.

Сворачиваю к оврагу. Здесь крутой спуск, глина, скользко. Если он пойдёт за мной, то потеряет время. Если обойдёт — потеряет ещё больше.

Соскальзываю вниз, цепляясь за корни. Джинсы промо-

кают, кроссовки вязнут в грязи.

— Он не пошёл в овраг, — через какое-то время сообщает Белый. — Обходит сверху. Потерял минуту, не больше.

— Скажи спасибо, что минуту.

Останавливаюсь. Прислоняюсь к берёзе, закрываю глаза на несколько секунд. Сердце колотится где-то в горле. Мышцы гудят — поглощение отняло больше сил, чем я думала. Лихой был слишком старым. Такие нечисти отдают много, но и брать их тяжелее.

— Тебе нужен отдых, — шепчет Белый.

— Некогда.

Чёрный не выдерживает — выходит из тела, становится рядом. Материализуется медленно — сначала очертания, потом цвет, потом резкие движения. Не смотрит на меня, всматривается в чашу.

— Я могу его задержать.

— Нет.

— Я сильный и сытый.

— Он сильнее.

Чёрный оборачивается. Глаза горят от обиды и злости.

— Откуда знаешь?

— Чувствую. У него внутри двое, они больше и мощнее вас. Он их не выпускает, но они там. Если он решится — нам конец.

Чёрный молчит. Вижу, как он переваривает эту информацию.

— Почему не выпускает?

— Боится.

— Чего?

Пожимаю плечами. Я не знаю. Боится их? Боится себя? Может быть, когда-то он сделал что-то, чего не может за-
быть.

— Нам нельзя, чтобы он решился, — голос хриплый, я устала. — Поэтому мы уходим. А ты не нападаешь.

Чёрный кривится и исчезает — резко уходит внутрь. Оби-
делся.

Иду дальше. Теперь медленнее. Лес начинает меняться — берёзы сменяются осинами, осины — молодыми сосна-
ми. Где-то здесь должно быть болото. Трясина, клюква, ред-
кие кочки. Если выйти на тропу, можно обойти. Если нет —
увязнешь.

Он идёт за мной. Слышу его реже, но чувствую чаще. Он
не скрывается, это уже не нужно.

— Зачем я ему? — спрашиваю вслух. Братья молчат. Да-
же Чёрный не отвечает.

Останавливаюсь на пригорке, смотрю на серое небо. Пора
бы уже выглянуть солнцу, но всё затянуто облаками. Будет
дождь.

— Он ищет тебя из-за лихого, — наконец говорит Белый.
— Но не только.

— А из-за чего ещё?

— Не знаю. Но я чувствую — он не хочет тебя убивать.

— Тогда что он хочет?

— Может, он сам не знает.

Усмехаюсь. Бред какой-то.

Тот иной был его свидетелем. Видимо, важным, раз он так долго преследует меня по лесу. Меньше чем через сутки я переработаю лихого полностью, смогут ли тогда они вытащить из меня его воспоминания?

Внизу, в ложбине, замечаю движение. Замираю. Это не он — это зверь. Лось. Стоит, смотрит в мою сторону, поводит ушами. Потом разворачивается и уходит в чащу, не спеша.

Смотрю ему вслед.

Мне бы тоже уйти в чащу. Спрятаться, залечь, переждать. Но я знаю — он не уйдёт. Будет кружить, искать, пока не заберет в своё Бюро.

— Ты думаешь о том, чтобы сдать, — говорит Белый.

— Нет.

— Думаешь.

Молчу, потому что он прав. Что будет, если я остановлюсь? Что будет, если я повернусь к нему лицом и перестану бежать?

Пока не знаю.

Иду дальше.

Алекс

Она уходит к болоту. Знаю это место — старые карты, отчёты, истории о ведьмах, которые прятались здесь веками. Глупое место для побега. Здесь только одна тропа, и она ве-

дёт в никуда.

Иду следом, не скрываясь. Она в курсе, что я здесь, зачем тратить силы?

Обращаюсь внутрь себя. Светлая напряженно молчит. Тёмная будто дикий зверь в клетке. Словно ходит из угла в угол, готовая броситься и разорвать, стоит убрать решётку. Они ощущают присутствие чужих фамильяров, злятся, что не остановили нападение Чёрного.

Нет, — мысленно приказываю. — *Сидите.*

Они затихают, но не перестают передавать своё напряжение.

Мну ноющее плечо.

Выхожу на тропу. Она на островке — сидит на поваленной берёзе, сжимает нож. Устала. Видно по плечам, по тому, как тяжело дышит.

Останавливаюсь недалеко.

— Бежать больше некуда, — говорю.

— Есть. Я могу уйти в трясину.

— Утонешь.

— Умею плавать.

Врёт. Или нет? Не знаю. Но она не двигается — значит, сама не верит в этот вариант.

— Зачем я тебе? — спрашивает. — Правда.

Делаю шаг вперёд. Она встаёт, но не отступает. Хорошо. Значит, боится не так сильно, чтобы бежать.

— Ты убила свидетеля по моему делу. Я должен был его

допросить.

— Лихой? — усмехается. — Он рассказал бы тебе что-то важное?

Важное? Он видел ту, кто собирал аконит. Ту, кто вызывал демона. Без него я не докажу связь с Самайном. Без него всё развалится.

— Мне плевать на твои дела, — говорит вдруг.

Смотрю на её руку — на нож. Лезвие тусклое, в тёмных разводах. Тем же ножом она резала лихого.

— Опустить его, — говорю. — Ты не сможешь им меня убить.

— Откуда знаешь?

— Потому что ты устала. И я не дам тебе этого сделать.

Молчит. Вижу, как взвешивает шансы, просчитывает расхождение, скорость, мою реакцию. Мыслит, как зверь. Или как лесной хищник, который привык оценивать опасность.

Темная внутри дёргается.

Тихо.

— Убирайся, — говорит она. — Оставь меня в покое.

— Не могу.

— Можешь. Просто повернись и уйди.

— Если я уйду, ты убьёшь ещё кого-нибудь.

— Только нечисть.

— Лихой был нужен живым.

— Он сам хотел умереть!

Она кричит. Впервые за весь разговор голос ломается от

усталости. От того, что я не верю ей.

Может, зря. Может, она говорит правду, но это не важно. Лихой мёртв, свидетель мёртв, а она — единственный носитель его памяти.

Делаю шаг.

Ведьма поднимает нож. Лезвие смотрит мне в грудь.

— Последний раз, — говорит. — Уходи.

— Нет.

Смотрю на оружие в её руке. Потом в глаза. У неё карие, почти чёрные, с желтоватым ободком. Усталые. Но живые.

— Не надо, — тихо говорю. — Мне не хотелось бы превращать это в драку.

— Тогда уйди.

— Не могу.

Мы стоим. Она — с ножом. Я — с пустыми руками. Фамильяры внутри требуют выпустить их, но я держу.

Соня уже на месте — она касается ближайшего дерева, передавая печать через корни. Блок встаёт не на тело, а на землю под ногами ведьмы. Секунда — и магия перекрыта.

Из наушника голос:

— Готово.

— Рано, — шепчу в гарнитуру.

Посмотрим, действительно ли они твоя «семья».

— Чего ты ждёшь? — спрашивает ведьма.

— Твоего решения.

— Я уже решила. Я не сдамся.

— Тогда почему ты не бежишь?

Молчит.

Не может, ведь я перекрыл все пути, пока мы говорили. Соня поставила блок на магию — локально, вокруг её тела. Она не чувствует, но её фамильяры внутри уже подавлены.

— Ты что-то сделал, — говорит она. Взгляд мечется — на меня, за мою спину, на деревья.

— Соня, — команду в гарнитуру. — Берите Светлого. Давление накрывает её. Вижу, как вздрагивает, как нож дрожит в руке, а глаза расширяются.

— Что... — начинает она и осекается.

Понимает, что я отвлѣк её. Говорил, упрасивал, стоял и смотрел в глаза — а они тем временем окружили, поставили блок, приготовились.

Ведьма опускается на колени. Нож выпадает в траву.

— Не трогайте её, — приказываю в гарнитуру. — Берите только фамильяра. Светлого.

Василиса выходит из-за деревьев — бесшумно, как тень. В руках руна с подготовленной ловушкой. Соня за ней — пальцы сложены в печать, губы шевелятся.

— Нет, — шепчет Вика. — Не трогайте Белого...

Она пытается встать, но Соня давит сильнее. Блок удерживает её на месте, отрезает магию, глушит связь с фамильярами.

Василиса наклоняется. Кладѣт руку на плечо Вики — не грубо, почти нежно. И тянет.

Белый выходит из её тела, как дым из трубы. Сначала прозрачный, потом плотнее, потом почти материальный. Он не сопротивляется — не может. Соня забрала у него волю.

— Отпустите, — говорит Вика, — Пожалуйста, — голос срывается почти на плачь.

Не ожидал этого «пожалуйста» от той, которая направила на меня нож и бежала два часа по лесу, которая резала лихого в бабкиной комнате.

— Прекратите! — кричит она. — Я сдамся! Я сделаю всё, что скажете! Только не трогайте его!

Василиса замирает. Смотрит на меня.

Киваю.

Белого затягивает в руну — последние ключья эфира исчезают в камне. Ведьма падает лицом в траву, дрожит.

— Поздно, — говорит Василиса спокойно. — Он уже наш.

Я смотрю на неё, на руну в руке. Белый там — бьётся, мечется, не может вырваться.

— Верните его, — говорит Вика и поднимает голову. На щеке — грязь, слёзы, трава. — Верните, или я...

— Что? — Василиса снимает очки, смотрит на неё сверху вниз. — Ты убьёшь меня? У тебя нет магии. У тебя нет ножа. У тебя нет сил.

Молчание. Только ветер в берёзах и всхлипы — подавленные, злые.

Сажусь на корточки рядом с ведьмой. Смотрю в глаза.

— Вика, — впервые называю её по имени. — Ты поедешь

с нами добровольно. Мы не будем тебя связывать. Не будем бить. Но ты поедешь.

— А Белый?

— С ним ничего не сделают, если ты будешь сотрудничать.

Впивается звериным взглядом. Не знаю, верит ли. Не уверен, что говорю правду — Василиса сама решит, что делать с пленным фамильяром.

Но у ведьмы нет выбора.

Протягиваю руку.

Долгая секунда. Другая.

Она смотрит на мою ладонь. Потом на Василису. Потом на лес — куда-то вдаль, где теряется тропа.

Чёрный внутри неё — я чувствую его даже сквозь блок. Он воет. Бессильно. Зло.

Берёт мою руку.

Пальцы холодные, грязные, в царапинах.

— Если ты соврал, — говорит, — Я найду способ убить тебя. С магией или без.

— Договорились.

Помогаю ей встать. Она шатается — не от слабости, от истощения. Ноги плохо держат.

— Куда мы идём? — спрашивает.

— В Бюро.

— А потом?

— Посмотрим.

Глядит на Василису. Та уже шагает по тропе, руна скрыта в кармане куртки.

— Идём, — говорю.

Она делает шаг. За ним — другой. Потом третий.

Следую рядом. Не касаюсь, не придерживаю. Что-то подсказывает, она не из тех, кто позволит себя вести.

Мы выходим на поляну, где нас ждут машины. Крис стоит у капота, смотрит на Вику с любопытством и жалостью. Полина прячется за дверцей — боится. Соня уже сидит на заднем сиденье, листает планшет.

— В мою, — говорю Крис.

Она кивает, открывает дверь.

Вика замирает на секунду. Смотрит на машину, как на зверя — чужого, опасного.

— Садись, — говорю. — Обещаю, тебя не убьют.

— Твоё обещание мало чего стоит, — отвечает она, но садится.

Закрываю дверь. Захожу с другой стороны.

Крис за рулём. Я на пассажирском. Вика сзади.

— Пристегнись, — говорю.

Она смотрит на ремень, как на магический артефакт. Потом всё же щёлкает замком.

Мы трогаемся.

В зеркале заднего вида вижу её лицо. Она глядит в окно, на уходящий лес.

Через час мы будем в Бюро.

А потом начнётся самое сложное — заставить её помогать.

Машина въезжает в гараж в четверть девятого. Солнце уже поднялось, но здесь, под землёй, всегда одинаковый свет — белый, ровный, безжизненный.

Вика молчит всю дорогу. Я проверю зеркало через каждые пару минут — она смотрит в окно, не мигая. Не спит. Не плачет. Чёрный внутри неё затиш — я почти не чувствую его. Блок Сони всё ещё держится.

— Мы на месте, — говорю.

Крис глушит мотор, выходит первой. Открываю дверь со своей стороны, обхожу машину. Вика не двигается.

— Выходи.

Она поворачивает голову, поднимает взгляд. Карие глаза — уставшие, но цепкие.

— Где он?

— У Василисы. С ним всё в порядке.

— Ты обещал.

— Я помню.

Выходит сама. Ноги чуть подкашиваются — часы погони и поглощение дают о себе знать. Но она выпрямляется.

Крис смотрит вопросительно.

— В кабинет Василисы, — говорю. — Пусть Соня и Полина займутся ей.

— А ты?

— Отчёт по лихому и данные с камер.

Крис кивает, жестом приглашает Вику следовать за ней.

Та делает шаг, потом останавливается.

— Ты идёшь со мной? — спрашивает у меня.

— Нет.

— Тогда как я узнаю, что меня не убьют?

— Тебя не убьют.

— Слова. Опять.

Смотрю на неё несколько секунд. Потом цокаю и достаю из кармана телефон, набираю сообщение Василисе: *«Она идёт к тебе. Не трогать. Дать воды и возможность сесть»*.

Показываю экран Вике.

— Довольна?

Не отвечает. Разворачивается и идёт за Крис.

Провожая их взглядом, пока дверь лифта не закрывается.

Кабинет отдела встречает запахом кофе и старой бумаги.

На столе — новые папки. На доске — схема передвижений Вики за последние сутки, обведённая красным маркером.

Сажусь. Внутри — тишина. Фамильяры не шевелятся. Даже Тёмная затихла.

Звоню в лабораторию.

— Что по волосу?

— Мы его уже использовали, — отвечает незнакомый голос. — Полина забрала остатки. Сказала, может понадобится для сравнения.

— Больше ничего?

— Магический фон — нестабильный. Очень сильные скачки. Как будто её магия питалась неравномерно всю жизнь.

— Это я и без вас знаю.

Кладу трубку.

На столе — распечатка показаний свидетелей из отелей. Никто ничего не видел. Никто ничего не помнит. Девушка с синим рюкзаком растворилась в воздухе.

Нет. Не растворилась. Её поймали.

Вновь изучаю схему на доске. Она отмечена красными точками — вокзал, дом бабки, лес, болото. Её путь побега. Мой путь преследования.

Два дня назад я даже не знал, что она существует. А теперь она сидит в кабинете Василисы, и от неё зависит всё моё дело.

Откидываюсь на спинку стула.

— Что думаешь? — спрашиваю у пустоты.

Никто не отвечает. Фамильяры молчат. Они не разговаривают со мной без необходимости, я сам их такими сделал. Иногда жалею об этом.

В дверь стучат. Входит Полина — бледная, с трясущимися руками.

— Алекс, мы готовы.

— К чему?

— К извлечению. Соня говорит, что воспоминания лихого ещё там, но, если ждать дольше — они начнут разрушать-

ся.

— Что нужно от меня?

— Ваше разрешение. И... — она мнётся. — Василиса сказала, что вы должны присутствовать.

— Зачем?

— На случай, если Вика попытается сопротивляться, или если что-то пойдёт не так. Вы единственный, кто может её удержать.

Встаю.

— Где Соня?

— В процедурной. Готовит круг.

— Идём.

Выходим в коридор. Я иду быстро, Полина едва поспевает.

— Как она? — спрашиваю.

— Вика? — пожимает плечами. — Молчит. Смотрит на руну с Белым. Василиса разрешила положить её на стол, чтобы она видела.

— Рискованно.

— Василиса сказала, что так она будет спокойнее.

— Василиса не знает её.

— А вы знаете?

Не отвечаю.

Входим в процедурную. Маленькая комната без окон, с бетонными стенами, покрытыми письменами. Посередине — кресло, похожее на зубоврачебное. Рядом — столик с ин-

струментами. На отдельной подставке — руна с Белым. Он внутри, едва видимый, но я чувствую его — слабый, перепуганный.

Вика сидит в кресле. Не связана. Руки на подлокотниках. Смотрит на руну, будто если отвернётся, та исчезнет. Будто её взгляд может помешать нам при желании что-то с ним сделать.

Соня колдует у неё за спиной — рисует круги в воздухе, шепчет что-то.

Василиса стоит в углу с планшетом.

— Алекс, — показывает на стул у двери. — Садись там.

Сажусь. Вика не поворачивается ко мне.

— Мы начнём через минуту, — говорит Соня. — Вика, ты готова?

— Нет.

— Это не вопрос.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Соня не отвечает. Заканчивает круг, отходит на шаг.

— Погружение займёт около часа. Воспоминания лихого — это не её личные воспоминания, они лежат отдельно. Я их извлеку, перепишу на носитель. Вика ничего не почувствует, кроме слабости.

— Она и так слабая, — замечает Василиса.

— Поэтому я и тороплюсь.

Соня подходит к ведьме, кладёт руки ей на виски.

— Закрой глаза. Расслабься.

— Не умею.

— Научись. Быстро.

Вика молчит. Её плечи чуть опускаются — она делает усилие. Чёрный внутри ворочается — я чувствую его даже на расстоянии.

— Тихо, — говорит Соня. — Я не трону твоего хозяина. Заберу только чужое.

Чёрный не успокаивается. Вика шепчет что-то — я не слышу слов, но давление внутри неё спадает.

Соня закрывает глаза.

Начинается.

Час.

Смотрю на Вику. Её лицо расслаблено — впервые с тех пор, как я её увидел. Без напряжения, без готовности к бегству. Она выглядит моложе. И очень уставшей.

Василиса что-то записывает в планшет. Полина сидит в углу, прижимая к груди какой-то амулет.

Тишина.

Соня открывает глаза.

— Готово, — говорит.

Она отходит от Вики, садится на пол. Бледная, потная. Извлечение воспоминаний — нелёгкая работа.

— Всё там? — спрашивает Василиса.

— Всё. Сейчас перенесу на кристалл.

Достаёт из кармана небольшой прозрачный камень, прижимает ко лбу, шепчет что-то.

Вика не открывает глаза. Дышит ровно.

— Она спит, — объясняет Соня. — Через полчаса проснётся. Покормите её. И дайте воды.

— Что там? — спрашиваю. — В воспоминаниях?

Поворачивается ко мне и устало улыбается.

— Лихой действительно видел девушку, но не могу понять, Мэйв это или нет. Молодая, светлые волосы, одета хорошо. С ней мужчина, лет, может, тридцать пять-сорок. Надо пересмотреть с носителя и изучить, тогда будет понятно.

— Этого мало, — говорю.

— Знаю. Но это больше, чем было.

Василиса кивает.

— Займёмся позже. Алекс, ты пока напишешь отчёт о задержании. И придумай, что нам делать с ней дальше.

Хмурюсь. Бросаю взгляд на Вику — спит в кресле, руки на подлокотниках, лицо расслабленное. Без ножа, без фамильяров, без магии. Уязвимая.

— Суд, потом Колодец, — говорю. — Она убила лихого. Незаконное поглощение — статья.

— Она говорит, что он сам хотел.

— Она может врать.

— Может, — Василиса подходит к Вике, наклоняется, рассматривает её лицо, как образец под микроскопом. — Но даже если не врёт, это не отменяет факта. Лихой был нужен живым. Она это знала?

— Откуда? Она выросла в лесу.

— Поэтому мне и интересно.

Директор выпрямляется, поворачивается ко мне. В глазах — блеск. Тот самый, который я видел, когда она объясняла мне природу фамильяров в первый раз. Когда вскрывала умершего ведьмака, чтобы посмотреть, как магия покидает тело.

— Ты хочешь её изучать, — говорю.

— Хочу. У нас есть ведьма, которая прошла инициацию в шесть лет. Которая почти всю жизнь прожила в лесу без людей. У которой два равных фамильяра, и она их не подавляет. Это уникальный случай, Алекс. Ещё ни одного такого не было в наших записях.

— Она не лабораторная крыса.

— Я не собираюсь её резать, а хочу с ней поговорить, задать вопросы. Посмотреть, как работают её фамильяры в паре.

— А если она откажется?

Василиса пожимает плечами.

— Тогда суд и Колодец. Но я надеюсь, что до этого не дойдёт.

Молчу. Смотрю на Вику.

— Что ты от меня хочешь?

— Уговорить её сотрудничать.

— Меня? — усмехаюсь. — Она меня ненавидит. Я её преследовал по лесу, потом отдал приказ вырвать из неё фамильяра.

— Ты же её не бил. Не унижал. Не угрожал. Ты просто делал свою работу, и она это понимает.

— Откуда такая уверенность?

Василиса снимает очки, протирает их краем халата.

— Потому что она прагматична. И она сдалась добровольно. Не тогда, когда мы её взяли. А когда поняла, что Белый в опасности. Она не убегала, не боролась. Сразу согласилась на всё, чтобы его спасти.

— Это делает её хорошим человеком, но не сговорчивой подопытной.

— Это делает её тем, кто дорожит своей семьёй. А значит, у неё есть что терять и есть за что торговаться.

Смотрю на Василису. Она уже всё решила. Ей не нужен мой совет — ей нужен мой голос в переговорах.

— Я не умею уговаривать, — говорю.

— Научись. У тебя есть время до вечера. Сначала с ней встречусь я, потом ты.

— А если я откажусь?

— Тогда я попрошу Крис. Или Соню. Но ты лучше всех понимаешь, что значит иметь двух фамильяров. Она тебя услышит быстрее.

Молчу. Она права. Ненавижу, когда так происходит.

— Хорошо, я поговорю с ней, но не обещаю, что она согласится.

— И не надо. Просто попробуй.

Василиса берёт планшет и выходит из процедурной. По-

лина семенит за ней, на прощание оглядывается на Вику.

Остаюсь один. И она. Спящая.

Внутри — тишина. Но я чувствую, как Тёмная шевелится. Ей интересно. Светлая молчит — она всегда молчит, когда я зол.

— Не смейте, — приказываю вслух.

Разглядываю Вику.

Спит. Без снов. Без кошмаров — Соня позаботилась.

Скоро она проснётся. И мне придётся смотреть ей в глаза и говорить: *«Помоги нам. И мы поможем тебе»*.

Я не знаю, как это делать.

Иду в свой кабинет. Нужно написать отчёт. В конце концов, это я умею лучше, чем уговаривать ведьм.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.